

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

(Изъ воспоминаній о Т. П. Пассекъ).

25 іюля 1910 г. минуло сто лѣтъ со дня рожденія Татьяны Петровны Пассекъ,—„бабушки изъ дальнихъ лѣтъ“,—какъ ее называли читатели ея интересныхъ записокъ ¹⁾, этой общей, ко всѣмъ сердечной „бабушки“, которая и мнѣ блеснула свѣтлымъ лучемъ и оставила неугасимымъ тотъ огонекъ, которымъ зажла и мою свѣчку.

— Всякій долженъ держать свою свѣчку—говорила она; какая по рукѣ придется. Да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Такъ-то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка“—маленькая свѣчка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разливаетъ. Отъ нея дурному никто не научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчку и держи крѣпко!

И вотъ эта-то „Игрушечка“ и познакомила меня съ дорогой старушкой. Въ концѣ 1879 года вышло объявленіе о новомъ дѣтскомъ журналѣ „Игрушечка“, подъ издательствомъ и редакціей Т. П. Пассекъ. Незадолго передъ тѣмъ прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ интересныя записки „Изъ дальнихъ лѣтъ“ автора этого имени, я не знала ничего о дальнѣйшей его судьбѣ, и мысль, что онъ не только существуетъ, но заявляетъ о себѣ въ такой отъ меня близости и на столь близкомъ мнѣ, по душѣ, поприщѣ, какъ дѣтская литература, поприщѣ, на ко-

¹⁾ Записки Т. П. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, прежде чѣмъ выдти отдѣльнымъ изданіемъ, печатались въ „Русской Старинѣ“.

торомъ я уже подвизалась съ 1878 года постоянной сотрудницей лучшаго, тогда, дѣтскаго журнала „Дѣтское чтеніе“ и другихъ,—такъ меня восхитила, что я не откладывая, со смѣлостью, граничившей съ безцеремонностью,—прямо поѣхала къ Татьянѣ Петровнѣ предложить свое сотрудничество для ея рождавшагося журнала, что было именно, 14 декабря 1879 г.

Нечего и говорить о томъ, что старушка приняла меня съ присущей ей привѣтливостью, а на мое предложеніе отвѣчала съ тронувшей меня сердечностью, сказавъ, что уже знаетъ мои работы и еще недавно съ восторгомъ читала мой послѣдній въ „Дѣтскомъ чтеніи“ разсказъ „Старый Бенпо“. Скоро мы уже бесѣдовали, какъ старые знакомые, какъ „сродныя души“,—по ея выраженію,—и былъ уже набросанъ и небольшой порядокъ тѣхъ вещей, которыя я должна помѣстить въ первыхъ номерахъ журнала, система котораго, впослѣдствіи, была нѣсколько измѣнена.

Туть же я познакомилась и съ семьей Т. П., состоявшей тогда изъ ея сына, Владиміра Вадимовича, настояніемъ котораго и былъ затѣянъ журналъ, что и было возможно,—беря въ расчетъ преклонныя лѣта Т. П.—только при его содѣйствіи, человека молодого, хотя очень слабаго здоровья. Здоровье его было тогда уже сильно подорвано, и меня сразу поразила его болѣзненная блѣдность. Контрастомъ къ этой блѣдности служила свѣжесть его молодой, красивой жены,—Елены Ефимовны, съ ея розовыми щеками, алымъ ротикомъ, съ его привѣтливой улыбкой, мягкими темными глазами и молодымъ веселымъ смѣхомъ. Малороссіанка по происхожденію, въ ней и сохранился красивый малороссійскій типъ, съ обаятельной мягкостью и женственностью во всѣхъ ея движеніяхъ и ласковостью въ обращеніи. Семью завершали двое дѣтей молодыхъ супруговъ: пятилѣтній Сережа, съ темными глазами матери и серьезнымъ лицомъ, не согласовавшимся съ шалостями мальчика, создавшими цѣлыя легенды; и трехлѣтняя Оля, на личико которой, съ ея синими, вдумчивыми глазами и волнистыми кудрями,—можно было заглядѣться, какъ на тѣ чудныя дѣтскія головки, что намъ представляютъ англійскіе кепсики.

Не біографическій очеркъ хочу написать о Татьянѣ Петровнѣ,—не напишешь лучшей біографіи, какъ собственныя записки покойной, прямо вылившіяся изъ-подъ ея искренняго пера, а хочу своимъ скромнымъ перомъ воспроизвести тотъ образъ, что остался неизгладимымъ въ моихъ воспоминаніяхъ, о которомъ я уже когда-то писала на страницахъ „Русской

Старины“¹⁾. Вотъ она стоитъ передо мною, какъ живая, эта маленькая старушка, съ такой привѣтливой улыбкой на губахъ, съ такимъ яснымъ взглядомъ, съ которымъ только дѣти смотрятъ на міръ Божій, не подозрѣвая въ немъ зла. И Т. П. точно такъ смотрѣла на міръ и потому такъ часто натыкалась на зло и все прощала міру... У нея была своя удивительно теплая вѣра и безконечное всепрощеніе. Она всѣмъ вѣрила безапелляціонно и ее обманывали самымъ безцеремоннымъ образомъ, начиная съ одной „доброй знакомой“, любезно взявшей на свою квартиру, въ то время когда Т. П., мѣняя квартиру, уѣхала на дачу,—корзину съ посудой и разными нужными вещами, которыя никогда Т. П. не были возвращены; продолжая кое-какими изъ „случайныхъ“ сотрудниковъ журнала, забиравшихъ у старушки впередъ деньги за статьи, никогда не явившихся и кончая разсылнымъ при журналѣ, подъ шумокъ, спускавшимъ, какъ книжки журнала, такъ и другія книги, въ томъ числѣ все собраніе сочиненій Герцена, подаренное ей самимъ авторомъ, ея любимымъ кузеномъ. И ни одного гнѣвнаго слова противъ подобныхъ людей; только добродушно посмѣется сама надъ собой, лишенной того или другого изъ ея, и то далеко не обильно снабженнаго, хозяйства.

— Ну, ей можетъ быть, было нужнѣе!—скажетъ, при воспоминаніи о „доброй знакомой“, ну, а другихъ помянетъ крѣпкимъ русскимъ словцомъ, да на томъ и успокоится.

Русской она была съ головы до ногъ: и русское крѣпкое словцо, и широкое сердце, какъ ширь русскихъ степей; и русский юморъ и русская тихая скорбь и русское гостепріимство: „все, что есть въ печи, то на столъ мечи“! Бывало, только-что къ ней покажешься:

— А ты у меня пообѣдаешь?—и на отказъ: ну, и выходить, что ты тетеря (или Митрофанъ).

Она вскорѣ послѣ нашего знакомства стала мнѣ говорить *ты*, но въ письмахъ всегда употребляла—*вы*.

Согласіе остаться у нея пообѣдать встрѣчалось всегда радостью и тотчасъ же вызывало распоряженіе снаряжать для насъ двоихъ обѣдъ тутъ же, въ спальнѣ, этой излюбленной комнатѣ, снабженной некрашеннымъ столомъ, подлѣ кровати старушки, стариннымъ, казалось, готовымъ рассыпаться, но, какимъ-то чудомъ, все еще державшимъ въ своихъ объятіяхъ,

¹⁾ Февраль 1890 г.

волтеровскимъ кресломъ и некрашеннымъ табуретомъ, стоявшимъ у грандіозной, кафельной, всегда тепло натопленной печи. На этомъ табуретѣ постоянно возсѣдала Марія Дмитріевна, что-то въ родѣ старинной „барской барыни“, дуэньи Татьяны Петровны, прожившей съ ней десятки лѣтъ и даже сопровождавшей ее за границу, изъ которой, однако, не вывезла особенно выдающихся впечатлѣній и отзывалась о ней немного небрежно. Марія Дмитріевна была также грандіозна, какъ та кафельная печь, къ которой такъ дружно прислонялась ея спина.

Видъ она имѣла „презентабельный“ и очень степенный: всегда чистоодѣтая, въ длинномъ темномъ шугаѣ, съ темнымъ, повязаннымъ подъ подбородкомъ, платкомъ на головѣ. Очень набожная, чтившая всѣ выдающіеся праздники и знакомая съ житіями разныхъ святыхъ, она, уже на моей памяти, пошла по святымъ мѣстамъ, внезапно появляясь снова въ квартирѣ Т. П., но, если не ошибаюсь, кончила жизнь въ какомъ-то знакомомъ московскомъ убѣжищѣ, и въ прежнихъ ея мечтахъ являвшимся ей какимъ-то душеспасительнымъ чертогомъ.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ была „кормилица“, тоже болѣе 40 лѣтъ проживавшая въ домѣ, выкормивъ одного изъ сыновей Т. П. Это была грузная старуха, видомъ угрюмая, часто огрызавшаяся—„съ зуба рветъ“,—что называется;—съ пестрымъ ситцевымъ передникомъ подъ мышками и головнымъ, тоже пестрымъ платкомъ на головѣ, подъ-косу; главной заботой ея былъ собственный самоваръ, за имѣніемъ на кухнѣ нѣсколькихъ господскихъ самоваровъ, не употреблявшійся его хозяйкой, а стоявшій на полкѣ, закутанный въ полотенце и завязанный веревкой и только по временамъ ею осматриваемый. Особой должности обѣ эти женщины не имѣли, а такъ—проживали, какъ проживали въ домѣ и многія временныя личности, Богъ вѣсть откуда приходившія и куда уходившія, попитавшись вволю; какъ появлялись и уличныя, хромоногія собаки и исхудалыя кошки, тоже, куда-то, попитавшись, исчезавшія. Только безхвостая, невѣдомой породы, поистрепанная птица неизмѣнно жила въ тѣсной клѣткѣ, на окнѣ спальни, межъ двухъ горшковъ съ какими-то тоже неизвѣстной породы, растеніями.

Не только русская, какъ по духу, такъ и по обстановкѣ, но еще и „московка“, Т. П. и въ Петербургѣ помѣстилась какъ-то не по-петербургски, а по-московски, въ домѣ ¹⁾, стоявшемъ

¹⁾ На Малой Подъяческой, теперь уже совсѣмъ перестроенномъ.

на большомъ дворѣ, за рѣшеткой, въ сторонѣ, будто флигель другого дома; особнякъ, въ два низкихъ этажа, съ особеннымъ подъѣздомъ и деревянной лѣстницей. Какъ часто пришлось мнѣ, съ Надеждинской, проѣзжать на эту неказистую Подъяческую и подниматься по этой деревянной лѣстницѣ, особенно участивъ мои визиты съ той поры, какъ стряслась послѣдняя бѣда надъ сѣдой головой страдальницы-старушки! Грудная болѣзнь ея сына какъ-то неожиданно обострилась и потребовала его немедленнаго отъѣзда за границу, куда онъ и отправился съ женой и дочкой. Татьяна Петр. осталась со своею сердечной болью и тревогой, на рукахъ съ Сережей и журналомъ, вошедшимъ только во второй мѣсяцъ своего изданія¹⁾! Сердечная тревога матери, дрожавшей за послѣдняго сына, шла crescendo. Помню я одинъ день,—именно 21 февраля,—получаю я отъ нея короткую, торопливо написанную записочку, извѣщавшую, что она въ тотъ же день уѣзжаетъ за границу. Я тотчасъ же поѣхала къ ней. Полученное изъ-за границы письмо имѣло уже совсѣмъ тревожный тонъ. Старушка тотчасъ собирается; ночью справляетъ номеръ журнала и на утро, съ Сережей и самой неумѣлой, полудеревенской, гдѣ-то, чуть не на Никольскомъ рынкѣ,—подхваченной горничной, отправляется въ путь, въ дальнѣйшій путь до Сорренто, съ ужасной мыслью, что можетъ быть уже не застанетъ въ живыхъ сына! И что это былъ за путь! Дорожные хлопоты одинокой старухи, не имѣвшей никакой помощи въ неумѣлой горничной, которой еще нужно было руководить; молодъ и шалунъ Сережа, шалости котораго доходили до того, что онъ разъ ухитрился влѣсть на вагонъ и потомъ прогуливаться по верхамъ, съ одного вагона на другой. И длинная, безконечно-длинная, въ такой тревогѣ, дорога, въ концѣ которой едва теплился блѣдный лучъ надежды, готовый замѣниться погребальнымъ факеломъ!..

Она застала его умирающимъ. „Старый дружище, я зналъ, что ты пріѣдешь!“ Встрѣтилъ онъ мать, и она пережила, какъ отъ нея ушелъ и этотъ, послѣднѣйшій сынъ и, собравъ все, что имѣла,—отправила его прахъ на родину, а сама съ осиротѣлой семьей вернулась въ Петербургъ.

— Знаю я,—говорила она мнѣ потомъ, касательно перевозки тѣла сына: что меня нѣкоторые въ этомъ обвиняютъ, что много издержекъ мнѣ это стоило. Но я не столько для себя это сдѣлала, какъ для дѣтей. Это связь наша съ милыми, отъ насъ

¹⁾ № 1 вышелъ 3-го февраля 1880 г.

ушедшими, эти могилки; эту связь разрывать нельзя! Они вотъ—нѣтъ, нѣтъ, да и придуть на могилку отца. Это важно!

Во время отсутствія Т. П. я часто навѣдывалась, какъ идутъ дѣла по журналу и какія вѣсти изъ-за границы? ¹⁾ Такъ, прѣвѣжаю разъ и узнаю, что Т. П. въ то утро вернулась и что сынъ ея умеръ. Несмотря на то, что мнѣ очень хотѣлось повидать дорогую старушку, я постѣснялась войти къ ней, какъ была въ цвѣтномъ платьѣ; и, только поговоривъ о случившемся съ прислугой, уѣхала, сказавъ, что прѣйду завтра. Но, прѣхавъ на другой день, я сразу увидала, что мое черное платье не гармонировало съ *красной* блузой Татьяны Петр., такъ мало придававшей цѣны виѣшнему трауру! ²⁾

Она встрѣтила меня, какъ всегда радостно, но съ примѣсью какъ будто дѣтской тревоги: ясно, она боялась, что я начну разговоръ о слишкомъ еще свѣжей ранѣ ея сердца и немного путаясь, точно конфузясь, завела совсѣмъ посторонній разговоръ, начавъ съ обычнаго вопроса: „Не позавтракаю ли я съ нею?“ на что я тотчасъ же согласилась. Устроились мы обычнымъ образомъ, тутъ же на столѣ, подлѣ ея кровати. Старушка продолжала торопливо говорить о журналѣ, о рукописяхъ; я ей о томъ же; о своей семьѣ, о моихъ занятіяхъ... Того, страшнаго, какъ будто и не было; хотя туго, на этотъ разъ, проглатывалось, по обыкновенію вкусно приготовленное, крошево изъ картофеля, груздей и лука: должно быть, мѣшали слезы, застрявшія въ горлѣ... Такія же слезы мнились и тамъ, глубоко въ сердцѣ старушки, не смѣя появиться на какъ-то не совсѣмъ естественно блестящихъ ея дѣтскихъ глазахъ...

— Я не люблю,—говаривала и позже мнѣ Т. П.—чтобы люди видѣли мои слезы... Если хочется плакать, такъ я ночью поплачу, когда никто не видитъ.

Такъ въ этотъ разъ мы ни словомъ не обмолвились о томъ, что у обѣихъ было на душѣ, но обѣ знали, что мы понимаемъ другъ друга... Она заговорила мнѣ о своемъ горѣ въ слѣдующій разъ; заговорила сама; тихо и какъ-то торжественно, будто *Mater dolorosa*, выливая изъ души скорбный стонъ... Она сама

¹⁾ Секретарскую и редакторскую — по исправленію печатавшихся рукописей,—часть велъ Соловьевъ-Несмѣловъ, тоже писатель по дѣтской литературѣ, одинъ изъ первыхъ, вмѣстѣ со мной и г-жей Сахаровой, сотрудниковъ „Игрушечки“.

²⁾ Т. П. очень любила „красненькіе“ ситцевые капотики, которые у нея не переводились.

была „Mater dolorosa“, кромѣ своего горя еще несшая непосильную тяжесть въ лицѣ осиротѣлой семьи и не во-время затѣяннаго журнала!.. И ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшаго унынія, отъ котораго бы опустились совсѣмъ старья, требовавшія покоя,—руки: все та же энергія, бодрость, любовь и всепрощеніе!

Тутъ я начала часто навѣщать Т. П. Рукописей накапливалось много; едва и вдвоемъ мы съ ней справлялись въ ихъ разборкѣ. Всего болѣе любила она, какъ я къ ней на цѣлый день пріѣду, даже вечеръ у нея проведу. Пріѣду иной разъ пораньше. Спустить старушка съ ногъ теплые сапожки и залѣзетъ на кровать; а я подлѣ стола въ вольтеровскомъ креслѣ, что хотя поскрипываетъ, а ничего еще терпитъ. Примемся работать. Чуткость у нея была большая въ разборѣ статей; и могу, не хвастаясь, сказать, что съ ней мы сходились и работали дружно. Сначала Т. П. думала было привлечь къ журналу „авторитетныхъ“ писателей; но они оказались такъ мало знакомыми съ дѣтской литературой, такъ мало понимавшими дѣтей и потому не способными быть ими понятыми, что, несмотря на неудовольствіе нѣкоторыхъ, думавшихъ, что достаточно одного ихъ имени, чтобы все и всѣ передъ ними преклонились,—имъ часто возвращались ихъ рукописи, иногда носившія даже непонятныя для дѣтей названія ¹⁾...

Иногда наши работы прерывались какимъ-нибудь посѣщеніемъ. Старушка кряхтя приподнимется; онять натягивай сапожки да выходи въ пріемную.

— Вы бы, Т. П., отказали; и то устали!—скажешь, бывало. Вѣдь всего скорѣе, что не за дѣломъ, а такъ, одна пустая болтовня!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, нельзя! Какъ-ни-какъ, а все же, меня видѣть хотятъ; нарочно пріѣхали, а я не приму. Нельзя!

И бредеть, побрякивая. Очень часто, точно, была одна пустая болтовня; были посѣщенія и совсѣмъ незнакомыхъ Т. П. лицъ, желавшихъ только посмотреть на нее; но много она и на этихъ незнакомыхъ ей до того лицъ изливала своего свѣта, вливала въ ихъ, часто болѣвшія сердца, бальзама своей любвеобильной души. Шла къ ней и дочь очень извѣстнаго моднаго художника, прославившагося своими блестящими портретами,

¹⁾ Была одна статья „авторитетнаго“ писателя, подъ заглавіемъ „Фантасмагорія“...—очень ясное и понятное для дѣтей названіе!—въ которой, между прочимъ, со всѣми мучительными подробностями, описывалась сцена на бойнѣ при зарѣзываніи ягненка.

который, обзаведясь второй красавицей-женой, не интересовался тѣмъ, что эта красавица, утопая въ роскоши, оставляла безъ башмаковъ дочь его первой жены, которая и несла свои слезы любвеобильной старушкѣ, пришедшей къ ней на помощь. Шла,— даже съ чернаго хода,—брошенная съ дѣтьми,—жена одного, славившагося въ то время своими громившими всякую неправду, статьями,—писателя; шла и другія—имъ же имя легионъ—и изливали передъ ней свои слезы: „рѣкой—льется!“— скажетъ, бывало, со вздохомъ, старушка и всѣхъ озаряетъ „свѣтлымъ лучемъ“...

— Знаешь,—говорила она мнѣ часто,—я всѣхъ люблю, весь міръ Божій люблю. Мнѣ кажется, я такъ бы и обняла весь міръ!

Позже она стала уже всѣхъ принимать въ своей спальнѣ, одѣтая полу-лежа на кровати¹⁾. Ну, вотъ поработаемъ мы съ ней такъ до обѣда. Т. П. покушать любила и иногда даже рисковала своимъ старымъ, но все еще,—какъ и вообще ея здоровье,—крѣпкимъ желудкомъ. Кушанья любила болѣе чисто-русскія, такъ что зачастую въ обѣдъ входили и капуста и рѣпа; а иногда обѣдъ импровизировался въ такомъ порядкѣ: сначала супъ, а потомъ уха, затѣмъ рябчикъ, а потомъ печеная рѣпа. Любила она и поговорить о разныхъ старинныхъ, нынѣ позабытыхъ, кушаньяхъ.

— А знаешь ли ты, другъ сердечный, что такое курникъ? спросить она, бывало.

— Какъ же, Т. П. знаю! Ну, а помните подовые пирожки?

— Ахъ, прелесть!—только вздыхаетъ старушка. А растегай-то? Чего-чего туда ни наложить; просто таютъ во рту! А запасы-то какіе у насъ дѣлали: разные варенья, соленья, да копченья. Палатки гусинья... Помнишь, кормилица?— обратится Т. П. къ вошедшей кормилицѣ.

— Какъ же не помнить?—„съ зуба рветъ“, кормилица, поправляя съѣхавшій на бокъ головной платокъ. Всего было вдоволь. Домъ полная чаша былъ!

— Что жъ, и теперь еще можемъ друзей угостить,—добавить Т. П.—вотъ пріѣзжай, голубчикъ, на этихъ дняхъ ко мнѣ обѣдать; я тебѣ пирогъ съ кашей и грибами заломлю; бабушка это еще можетъ!

Послѣ обѣда и до чая у насъ работа полегче пойдетъ; начнемъ ее дружескими разговорами прерывать, и вотъ тутъ-то вытащить Т. П. передо мной на сцену старину-матушку; за-

¹⁾ Желаящихъ подписаться на журналъ принимала въ приемной Елена Ефимовна, взявшая на себя эту обязанность.

ведеть свои гусельки, и зазвенять онѣ такъ сладко, что вдо-
сталь и не наслушается! Чудно рассказывать она умѣла! Такъ
вотъ и стоятъ передъ вами, какъ живыя, эти лица, съ кото-
рыми она встрѣчалась на своемъ длинномъ жизненномъ пути;—
полныя интереса, а иногда комизма. Вы видите и этого франта,
что „скользить—скользить“; и эту „кислятину“, что „губы
распустилъ и мямлить“,—всю плеяду этихъ людей, смѣняю-
щихъ одинъ-другого, какъ въ калейдоскопѣ, въ ея неистощи-
мыхъ и такихъ краснорѣчивыхъ, образныхъ рассказахъ, что,
попади они подъ карандашъ стенографа, вышла бы длинная
лѣтопись, прямо, безъ поправокъ, готовая къ печати.

Интересны были ея рассказы объ ея любимомъ кузенѣ
Сашѣ, Герценѣ: этомъ энтузіастѣ и идеалистѣ 40-хъ годовъ, по
ошибкѣ родившемся или слишкомъ поздно, чтобы встать на-
ряду съ энтузіастами среднихъ вѣковъ, погибавшихъ на кострѣ;
или слишкомъ рано, чтобы быть понятымъ въ самой сути дѣла.
Со своей гигантской личностью, передъ которой такъ мизерны
тѣ расплодившіеся Донъ-Кихоты, что болѣе похожи не на
самаго печальнаго, честнаго рыцаря—идеалиста,—а на тѣ вѣт-
ряныя мельницы и стада барановъ, съ которыми онъ сражался!...
Много интересныхъ подробностей изъ жизни Герцена, не только
общественной, но и частной, даже интимной, узнала я изъ этихъ
рассказовъ; и это еще яснѣе нарисовало мнѣ его драматическій
образъ, съ его увлеченіями, разочарованіями и несокрушимой
любовью къ родинѣ, заснувшей только подъ могильной плитой,
на далекомъ отъ родины, кладбищѣ Ниццы... Вставали тутъ
образъ и его жены, этой сентиментальной Наташи, и весь ро-
манъ ихъ любви. А дальше развертывалась вся несчастная
жизнь Огарева, этого страдальца пѣвца, испившаго такую горь-
кую чашу въ своихъ двухъ бракахъ, доведшихъ его до той
унизительной чаши, хмѣль которой и сократила его жизнь...
И при томъ, коснувшись благороднаго порыва несчастнаго
поэта, касавшагося его первой, бросившей его жены, умиравшей
въ нищетѣ, въ Парижѣ,—рассказала очень „не красивый“ эпи-
зодъ изъ жизни одного изъ нашихъ очень крупныхъ и очень
„гуманныхъ“—литературныхъ авторитетовъ...

Вставали передо мной и разные эпизоды изъ частной жизни
И. С. Тургенева, съ которымъ Т. П. особенно часто видѣлась
въ Парижѣ¹⁾; а также, известной писательницы Марко-Вовчекъ,

¹⁾ Въ послѣдній прїездъ И. С. Тургенева, въ Петербургъ, въ 1881 г.
онъ видѣлся съ Т. П. послѣ долгой разлуки, при чемъ она привезла къ

сыгравшей въ жизни Т. П. самую неказистую роль... Касались мы иногда и міра мистическаго, не чуждаго чуткой душѣ старушки, не разъ присутствовавшей и на спиритическихъ сеансахъ. Но объ этомъ особенно много говорилось тогда, когда у нея бывали: Прибытковъ (издатель и редакторъ „Ребуса“), его сестра, Варвара Ивановна, и г-жа Гатцугъ.

Возвращаясь къ Герцену и нѣжной дружбѣ, что существовала между кузеномъ и кузиной, скажу, что Т. П. до конца хранила нѣжность и уваженіе къ памяти мученика идеи. Исчезновеніе его книгъ изъ ея библіотеки очень ее огорчило. Во время своей бытности, вслѣдъ за смертью сына, во Флоренціи, она видѣлась съ сыномъ Герцена, Александромъ, и рассказала ему о своей потерѣ. Онъ тотчасъ же вручилъ ей всѣ сочиненія отца, надѣясь, что она сама повезетъ ихъ въ Россію.

— Нѣтъ,—сказала Т. П.,—провезти бы ихъ я могла безъ труда; но не хочу имѣть на совѣсти, что я, которой правительство дало разрѣшеніе на изданіе дѣтскаго журнала, считая меня на то нравственно-достойной, — тайкомъ нарушу его положеніе, провезя запрещенныя имъ книги.

И послала ихъ всѣ черезъ цензуру. Книги изъ цензуры ей были возвращены всѣ, цѣликомъ...

Сижу я, бывало, такъ, въ волтеровскомъ креслѣ, да слушаю. Звенять ея гусельки—позвениваютъ. За спиной ея, на постели, сладко спитъ баловникъ—Сереза, забравшійся туда послушать да и заснувшій всласть. Подлѣ, на деревянномъ табуретѣ, пузатый самоваръ выводитъ свою предсонную ноту, понемногу замирая; изъ столовой, меланхолично, выкрикиваетъ часовая кушкa...

Свое расположеніе ко мнѣ Т. П. перенесла и на моихъ родныхъ¹⁾, съ удовольствіемъ посѣщавшихъ ее и даже, несмотря на свои необычайно рѣдкіе,—кромѣ необходимыхъ, дѣловыхъ,—выѣзды, заѣзжавшей къ намъ и разъ проведенной у насъ цѣлый день, съ ночевкой. Нужно сказать, что этотъ импровизированный визитъ пришелся въ субботу, вечеръ которой былъ нашимъ пріемнымъ, собиравшимъ всегда довольно многочисленное общество интересныхъ людей, товарищей брата и ихъ женъ, и многія изъ нихъ очень интересовались „бабушкой изъ даль-

нему и Серезу. Моя статейка: „Мое знакомство съ Н. С. Тургеневымъ“ была напечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

¹⁾ Мой братъ Александръ Ив. Лаврентьевъ, главный редакторъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“ и его жена, съ которыми я и жила.

нихъ лѣтъ“. И нужно было видѣть эту „бабушку“, въ ея парадной, коричневой шерстяной блузѣ и съ черной кружевной козыночкой на головѣ,—умѣвшей всѣмъ сказать милое слово, всѣхъ заинтересовать; ставшей центромъ общества! Также очаровала она и нашу старую дуэнью, Ольгу Ивановну (на манеръ ея Марьи Дмитриевны), тоже жившую у насъ въ домѣ 40 лѣтъ,—съ которой, укладывавшей ее на ночь, въ отведенной для нея комнатѣ, — Т. П. сошлась, какъ она говорила утромъ: „дружески“, прибавивъ: „и обѣ мы остались другъ другомъ довольны“! Въ этой же коричневой блузѣ Т. П. явилась и на литературномъ вечерѣ, въ память И. С. Тургенева, куда мы ее отвезли вмѣстѣ съ Е. М. Бемъ, и тамъ стала тоже центромъ образовавшагося вокругъ нея кружка; показавъ, что по счастію не всегда „по платью встрѣчаютъ“...

У кого еще бывала Т. П. и помимо дѣловыхъ посѣщеній,—это у графини Анастасіи Ив. Толстой (второй жены бывшаго Президента Академіи Художествъ), и съ которой познакомила и меня; и мнѣ пришлось тамъ видѣть много прелестныхъ, художественныхъ вещей, изъ собранія покойнаго графа, какъ его собственныхъ, начиная съ прелестныхъ рисунковъ „Душеньки“, такъ и другихъ художественныхъ и скульпторовъ. Впослѣдствіи дружба Татьяны Петр. и Анастасіи Ив. нѣсколько поколебалась; но я продолжала изрѣдка навѣщать графиню, очень всегда радовавшуюся моимъ посѣщеніямъ. У нея тогда еще воспитывался сынъ одной изъ ея дочерей, рано осиротѣлый, которому, за неимѣніемъ у покойнаго графа сыновей, была выхлопотана фамилія Толстого и графскій титулъ. Бабушка страстно любила своего внука, Сашу, мальчика очень интереснаго, нѣжнаго и сантиментальнаго, какъ дѣвочка, прекрасно декламировавшаго стихи своего родственника, симпатичнаго поэта Алексѣя Толстого¹⁾.

Задумала было Т. П. устроить у себя пріемный вечеръ; главное для того, чтобы собирать сотрудниковъ журнала, для общихъ собесѣдованій. Всего болѣе это восхитило Сережу, принимавшаго живое участіе во всѣхъ учрежденіяхъ бабушки, вкладывая въ нихъ только излишнюю суету. Былъ выбранъ понедѣльникъ. Т. П. жила тогда въ Саперномъ переулкѣ, такъ

¹⁾ Гораздо позже мнѣ пришлось познакомиться со вдовой поэта Толстого, Софіи Андреевны, и это кратковременное знакомство оставило мнѣ самое пріятное воспоминаніе объ этой замѣчательно умной и симпатичной женщинѣ, къ которой съ такимъ уваженіемъ относились и Тургеневъ, и Гончаровъ.

какъ излюбленный домъ на Малой Подъяческой принялись ломать. Собранія, конечно, должны были происходить въ гостиной, болѣе тщательно прибранной неумѣлой прислугой. На столѣ ярко горѣла лампа съ треснутымъ колпакомъ. Старушка, хотя все же въ одномъ изъ своихъ ситцевыхъ, носимыхъ зимой и лѣтомъ,—капотиковъ, но съ черной кружевной косыночкой на головѣ¹⁾, воссѣдала на голубомъ штофномъ диванѣ, рассыпаясь въ любезностяхъ передъ гостями, на звонки которыхъ Сережа, въ восторгѣ, бросался со всѣхъ ногъ въ переднюю. Съ непривычки, все приняло нѣсколько чопорный оттѣнокъ, будто атмосфера этой самой гостиной, съ ея штофнымъ диваномъ и бабушкой на немъ, а не на кроваткѣ, какъ-то, расхолаживала; да и бабушка стала утомляться и, черезъ четыре раза, понедѣльники прекратились и снова повалилъ народъ,—съ воскресенья до воскресенья включительно,—въ знакомую спальеньку, къ знакомой постелькѣ, на которой полу-лежала дорогая всѣмъ бабушка, туго-подтягивая узелокъ мягкой, головной косыночки.

Но особенная толчея происходила въ квартирѣ бабушки, въ Татьянинъ день, 12 января. Визиты начинались съ раннего утра; и кто не перебиваетъ у дорогой именинницы, начиная съ старыхъ знакомыхъ, къ которымъ принадлежали и нѣкоторые изъ нашихъ маститыхъ литераторовъ, и кончая лицами едва старушкѣ знакомыми! Привозились разнородные подарки: сладкіе пироги и торты, конфеты и фрукты. Гостей угощали шоколадомъ, варившимся неумѣлой прислугой всегда очень долго, а иногда и съ курьезами; когда, не зная мѣры, на палку шоколада вливали чуть не ведро молока и потомъ бѣгали по всему дому искать: не сохранилось ли гдѣ завалищагося шоколада среди разныхъ гостинцевъ Сережи, чтобы сгустить хоть немного молочную бурду. Но гости не обращали вниманія на эти промахи, ѣли, что предлагали, и весело болтали другъ съ другомъ, смѣняя одинъ другихъ, когда уже слишкомъ много накопилось народу подлѣ бабушки, всѣмъ, несмотря на утомленіе, умѣвшей сказать ласковое слово, даже не успѣвая просматривать массу поздравительныхъ писемъ и телеграммъ.

Лѣтомъ Т. П. всегда жила на дачѣ, чаще всего въ Лѣсномъ; разъ на дачѣ графа Салиаса, котораго я и прежде встрѣчала у нея. Такъ какъ на дачу она всегда переѣзжала рано, а мы, на-

¹⁾ Обыкновенно Т. П. носила простые, полотняные, старенькіе платочки, крѣпко завязывая ихъ узломъ подъ подбородкомъ.

противъ, уѣзжали не раньше іюля за границу или въ Крымъ ¹⁾, то я успѣвала побывать къ Т. П. и на дачѣ, пріѣзжая, конечно, на цѣлый день. На дачѣ она почти не покидала своей спальни; развѣ на балконѣ посидитъ; ну, а когда я пріѣзжала, то ради того, она, бывало, со мной подъ ручку и по саду погуляетъ и даже, въ ближайшемъ лѣскѣ, по дорожкѣ пройдетъ; и тогда она вся отдавалась природѣ, восхищаясь по-дѣтски всякимъ цвѣткомъ и листкомъ.

— Какая во всемъ гармонія, стройность! — говорила она. — возьми ты съ самаго малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ самаго маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи всѣ животныя, все это развивается, крѣпнеть. Вотъ, тожѣ, какъ дерево раскидывается вѣтвями, растетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра расходятся и все шире и шире становятся.

Однако, наши прогулки были не долги. Старушка скоро уставала и рада бывала снова вернуться въ свою спальню и, спустивъ съ ногъ теплые сапожки, взобраться отдохнуть на постельку. Иногда кутежъ простирался до того, что обѣдъ и чай устраивался въ саду; и тогда Сережа приходилъ въ „телячій“ восторгъ, что гровило цѣлости посуды или чистотѣ скатерти. Въ одно изъ ея проживаній въ Лѣсномъ она и устроила мнѣ тотъ незабвенный юбилей, о которомъ я упомянула въ моей, помѣщенной, въ 1908 г. въ „Русской Старинѣ“ статейкѣ ²⁾. приведя ко мнѣ, въ одинъ изъ моихъ къ ней пріѣздовъ, двухъ дѣвурочекъ, жившихъ съ родителями на дачѣ, на одномъ съ ней дворѣ.—Вижу онѣ „Игрушечку“ читаютъ, — говорила мнѣ Т. П. — спрашиваю: нравится ли имъ? А онѣ начали мнѣ, другъ сердечный, наперерывъ твоей повѣстью „Нашъ домъ“ — восхищаться. Очень твои вещи любятъ. А я имъ говорю, что ты ко мнѣ скоро пріѣдешь. Удивились сначала. Дѣтямъ, знаешь, иногда кажется, что повѣсти да сказки для нихъ кто-то такой пишетъ, что его и не увидишь; невидимка какой-то! Стали меня Христомъ-Богомъ умаливать, чтобы я имъ тебя показала, какъ ты ко мнѣ пріѣдешь.

Послала она за ними. Пришли двѣ дѣвурочки. Скромныя такія, сначала сконфузились немного.

¹⁾ Въ Крыму мы проживали въ красивомъ имѣніи моей невѣстки, между Ялтой и Гурзуфомъ.

²⁾ „Изъ автобіографіи маленькаго человѣка“.

— Ну, вотъ,—говорить Т. П.—это вотъ она-то и написала „Нашъ домъ“, что вамъ такъ понравился.

Просіяли у нихъ глазки, и молча, сначала одна, а потомъ другая, вскинули мнѣ на шею ручки и прямо въ губы поцѣловали. Хорошо у меня стало на сердцѣ, тепло. Скрѣпили онѣ этимъ поцѣлуемъ убѣжденіе, что изъ-подъ моего скромнаго пера не вылилось ничего вреднаго; что я могла смѣло смотрѣть въ эти ясныя, дѣтскіе глаза!

Одинъ разъ Т. П. задумала лѣтомъ пожить въ Петергофѣ; но я тамъ у нея до своего отъѣзда за границу побывать не успѣла, и она о своихъ впечатлѣніяхъ только въ письмѣ писала:

„Вы не можете себѣ представить, милая, дорогая, Софья Ивановна, какъ я люблю ваши письма, и какъ бываю всегда рада получать ихъ. Какъ это вы, моя родная, вспомнили не только что меня, но и день моего рожденія! Благодарю и крѣпко обнимаю. А я было все поджидала васъ къ намъ въ Петергофѣ; съ вами-то, не будь дива, и до Монплезира добралась бы, а то, представьте себѣ, что я и садъ-то нашъ только два раза обошла. Сажу себѣ въ своемъ уголкѣ, на широкомъ креслѣ, то съ книгой, то съ карандашемъ—и будетъ съ меня; а кругомъ парки зеленѣютъ пышныя, фонтаны бьютъ, иллюминаціи, балы во дворцѣ, и все это я только слышу, какъ будто за тысячу верстъ отъ дѣйствительнаго Петергофа. Сбѣраюсь хотя бы домикъ Петра Великаго навѣстить и на море взглянуть—собраться не могу. Зато дѣти, Сережа и Оля, которые поручили вамъ передать ихъ поклоны, привѣты и поцѣлуи, такъ и живутъ въ паркѣ; просятъ сказать вамъ, что помнятъ васъ, а Сережа вспомнилъ, что ему обѣщали звѣзды показать, а кстати о звѣздахъ—у насъ такъ мало ясныхъ дней, что мы позабыли, какой и видъ-то у звѣздъ! Дождей—гибель—льеть, правда, что не продолжительны, но сильны, и тотчасъ солнце; впрочемъ, опять небо задернуто. Тепла большого тоже не много видишь—вотъ и пишу вамъ чуть не въ темнотѣ, сумерки наступаютъ,—разберете ли вы мое писаніе? А я ваши письма точно статьи милыя, кроткія читаю и наслаждаюсь самымъ хорошимъ впечатлѣніемъ. Вотъ просьба къ вамъ, моя родная: вы теперь странствуете и много хорошаго видите, потому что умѣете все хорошее увидѣть, оцѣнить и воспроизвести перомъ; такъ вотъ опишите ваше путешествіе, ну, хотя письмами ко мнѣ, а я ихъ сейчасъ же и напечатаю. Пожалуйста, пишите и посылайте. Вы скажете, что объ этихъ мѣстахъ много уже писано,

ну, такъ что-жъ, что писано? а вы съ вашей точки зрѣнія посмотрите на нихъ и свое о нихъ скажите, а мнѣ ваше-то и надобно. Буду ждать исполненія моей просьбы“.

Желая исполнить просьбу Т. П., я начала ей, именно въ письмахъ, описывать кое-что изъ нашего путешествія, для „Игрушечки“. На одно изъ нихъ, гдѣ я касаюсь дисциплины воспитанія дѣтей въ Австріи, сравнительно съ распущенностью нашихъ, старушка отвѣчала мнѣ такъ:

„Какъ я смѣялась, читая въ вашемъ письмѣ, какъ наши русскіе Левушки и Сережи ревомъ-ревутъ, истинно такъ нашъ Сережа и теперь, порой, взрываетъ; смѣялся отъ души и онъ, когда я ему дочитала ваше письмо до этого мѣста, и крайне доволенъ остался. Премилыя ваши письма, жду очень продолженія,—пишите, печатаю прямо, какъ говорится, съ пыла... А когда ваша милость прибудетъ въ родныя палестины? истинно жажду васъ обнять...“.

Насколько грустны были наши разставанія, настолько радостны встрѣчи.

— Кто это такой проявился? — говорила она ласково-шутливо, раскрывая мнѣ навстрѣчу широкія объятія: это другъ сердечный проявился! Ну, садись и рассказывай!

И закипали рассказы, отъ которыхъ Сережу, бывало, не оттянешь!

Между тѣмъ (черезъ три года по кончинѣ Владиміра Владимовича), совершился бракъ его вдовы, Елены Ефимовны, съ С. С. Манухинымъ ¹⁾, и я хочу привести еще одно ко мнѣ письмо, въ Крымъ, Т. П., относящееся ко времени помолвки Елены Ефимовны, изъ Лѣсного, гдѣ тогда семейство проживало:

„Поѣздка ваша описана вами такъ мило, что хоть печатать,—читала и перечитывала съ истиннымъ наслажденіемъ. Мы живемъ потихоньку, какъ вы видѣли, дѣти цѣлый день въ паркѣ, погода стоитъ прелестная, тишина въ воздухѣ непробудная, дни и ночи, все какъ въ дремотѣ, листь не шелохнетъ, цвѣтеть, дышетъ ароматомъ волшебное лѣто. Да не въ волшебномъ ли мірѣ и живемъ-то мы? Я больше работаю,—вѣдь вся дача со всѣми расходами и заботами на мнѣ. Вообще же я благодарю Бога, что далъ мнѣ силъ духа и тѣла, почти три года,—доставляютъ удобную, хорошую жизнь—дорогимъ сердцу моего Володи, и чѣмъ болѣе труда и лишеній лично мнѣ это стоило, тѣмъ они дороже

¹⁾ Нынѣ членъ Государ. Совѣта.

миѣ становились,—быть имѣ полезной миѣ блаженство было и будетъ, а что доставляетъ намъ такое высокое душевное счастье, то, конечно, вполне овладѣваетъ и душой нашей. Такъ дѣйствуетъ это всегда на меня. Великое счастье, кто можетъ доставить такое душевное состояніе,—или кого обстоятельства къ этому приведутъ...”

По выходѣ замужъ Елена Ефимовна дочь взяла къ себѣ; Сережа остался при бабушкѣ, которая не могла бы совсѣмъ съ нимъ разстаться. Въ 1885 году онъ поступилъ въ гимназію, и тогда Т. П. стала переживать съ нимъ жизнь гимназиста. По утрамъ его будила, приготовляла ему завтракъ; интересовалась всей его гимназической жизнью, со всѣми ея подробностями; и, пока не взяла ему репетитора, заучивала съ нимъ латинскія слова. Тогда она переѣхала на новую квартиру, на Глазовой улицѣ, грязной улицѣ, большею частью населенной мастеровымъ людомъ, а потому кабаками и трактирами. Домъ, гдѣ была квартира Т. П., тоже находился между двухъ кабаковъ; но главной приманкой для старушки, въ этой неудобной и тѣсной квартирѣ,—была лежанка, на которую она иногда забиралась съ ногами, чтобы погрѣться. На замѣчанія посѣтителей, что она забралась въ такую глушь, Т. П. отвѣчала:

— Захотятъ бабушку видѣть, и тутъ, въ глуши, между кабаковъ, отыщутъ! Сама я не выхожу; не знаю, что на улицѣ дѣлается. А въ квартирѣ тихо, тепло...

Позже она переѣхала на другую квартиру, тоже на Глазовой улицѣ, противъ Звенигородской, гдѣ и скончалась. Квартира была удобнѣй и даже слишкомъ велика для нея; такъ что она, не зная, что дѣлать съ лишними комнатами, на старинный барскій манеръ,—устроила, кромѣ столовой, еще „чайную“,—хотя все это почти постоянно соединялось, по-прежнему, въ спальнѣ старушки. Квартирой этой Т. П. очень восхищалась, главное потому, что могла натапливать ее вволю, такъ какъ квартира была съ дровами, да еще хозяинъ не скупился, имѣя дровяной дворъ. Одну изъ комнатъ она вскорѣ отдала молодому человѣку, сыну своей старинной знакомой, относившемуся къ ней съ большимъ вниманіемъ. Въ средствахъ она не была стѣснена главное благодаря товарищу ея покойнаго сына, Юрію Нечаеву - Мальцеву, постоянно въ молодости возвращающемуся въ ихъ семьѣ.

— Много ли миѣ нужно-то?—говорила она: вѣдь ты знаешь, миѣ теперь Юрій даетъ 100 рублей въ мѣсяцъ. „Вы, говоритъ, бабушка, этимъ не стѣсняйтесь: мы всѣ ваши должники; что въ

насъ есть хорошаго, этимъ мы всѣ вамъ же обязаны!“ Спасибо, что помнить добро; значить, хорошій человекъ!

Къ тому же она знала, что ее не оставятъ ни ея племянникъ Пашковъ, ни невѣстка Елена Еф., всегда относившаяся къ старушкѣ съ прежней любовью и уваженіемъ, какъ и ея второй мужъ. Съ 1884 года стала Т. П. прихварывать; относясь къ своимъ болѣзнямъ совершенно спокойно, иногда даже въ юмористическомъ тонѣ, и не признавая ни докторовъ, ни лѣкарствъ:

— Это, другъ мой, уже старость; тутъ лѣкарства не помогутъ! скажетъ, бывало, со спокойнымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Но разные болѣзненные приступы не мѣшали ей не только заниматься, но даже мечтать о разныхъ новыхъ литературныхъ предпріятіяхъ, напр., объ изданіи энциклопедическаго журнала для юношества, задуманнаго, когда-то, ея покойнымъ мужемъ, Вадимомъ Васильевичемъ. Хотѣла написать въ „Русскую Старину“ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній, особенно касавшихся Герцена и Огарева. Приступивъ къ разборкѣ своихъ бумагъ, изъ которыхъ кое-что хотѣла обработать и издать, она многое мнѣ изъ нихъ прочитывала. Съ особеннымъ вниманіемъ остановилась Т. П. на давно начатой его серьезной статьѣ: „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“, нѣкоторыя изъ страницъ которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Вотъ надъ ней-то мы съ ней и принялись, было, прилежно работать, такъ какъ она непременно хотѣла проредактировать ее со мной. Но эту работу пришлось отложить, такъ какъ прежде старушка рѣшила написать третью часть (къ двумъ первымъ) своихъ воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ“, долженствовавшую служить ихъ заключеніемъ, что, по счастью, и довела до конца. Къ этому Т. П. особенно побудила присылка ей, по ея просьбѣ, отъ Огаревой цѣлой пачки писемъ, описывающей, со всѣми подробностями, послѣдніе годы и дни жизни Герцена, умиравшаго на ея рукахъ.

Чтеніе этихъ писемъ,—читаемыхъ нами вмѣстѣ,—было мнѣ очень интересно. Очень было бы интересно ихъ содержаніе и для читателей печатнаго слова, но дѣти Герцена заявили требованіе, чтобы эти письма не были напечатаны, и это сократило и объемъ третьей части воспоминаній Татьяны Петр., вообще явившейся не достаточно полной. Наши съ ней работы были прекращены моимъ отъѣздомъ на лѣто и осень въ Крымъ ¹⁾. Возвратясь оттуда, я нашла ее дописывающей послѣд-

¹⁾ Въ 1888 г.

нія страницы. Сама она писать уже не могла, а диктовала г-жѣ Зассергагенъ, очень дѣльной особѣ, много лѣтъ бывшей помощницей извѣстной дѣтской писательницы, Самойловичъ. Последнія страницы Т. П. продиктовала за двѣ недѣли до своей кончины.

Къ своей кончинѣ она приближалась, все слабѣя, иногда страдая, но всегда терпѣливая и философски-покорная.

— Пора, другъ сердечный, устала я! Знаю, что ты заплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку... Да, не скоро вамъ нажить другой такой бабушки... Я васъ любила всѣхъ, и знаю, что вы бабушку любили... Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!..

Когда силы ея немного возставали, она начинала мечтать и о поѣздкѣ на лѣто; и всѣмъ интересовалась и обо всемъ, происшедшемъ въ то время въ городѣ, спрашивала, вполне сохранивъ ясную память. Я часто навѣщала ее, уже совсѣмъ не сходящую съ постели, уѣзжая со страхомъ болѣе не застать ее въ живыхъ; но, напротивъ, при послѣднемъ нашемъ свиданіи, болѣе успокоенная ея бодрымъ духомъ, чѣмъ когда-либо, въ продолженіе ея болѣзни... Она скончалась тихо, почти не страдая, 24 марта 1889 г., мечтая о покоѣ и тишинѣ...

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ, какъ-то, во дни ея нездоровья,—и все думаю, все думаю... и такъ я до многого теперь додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, также я послѣ болѣзни лежала, и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣляться лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому-то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь тоже ощущаю...

И такъ рука, твердо державшая свою „свѣчку“—опустилась; но зажженные отъ ея свѣта, свѣчки еще горятъ, передавая свой свѣтъ другимъ... И не погасъ „свѣтлый лучъ“, блеснувшій намъ изъ „дальнихъ лѣтъ“...

С. Лаврентьева.

